

*Светлой памяти
Николая Ивановича Либана –
Учителя, наставника, друга.*

А.В. Корнеев (Москва, Россия)

Судьба зятя А.С. Пушкина – М.Л. Дубельта (продолжение)

Аннотация: В статье использованы материалы 10 архивов Москвы и С.-Петербурга, которые приводятся впервые. Содержащиеся в переписке сведения позволяют по-новому взглянуть на отношения между Дубельтом и его женой. Есть основания подвергнуть сомнению устоявшуюся в советской пушкинистике точку зрения на Дубельта как виновника развода.

Ключевые слова: Михаил Дубельт, Наталья Дубельт (Пушкина), обстоятельства развода

A.V. Korneev (Moscow, Russia)

The Destiny of A.S. Pushkin's Son-in-law – Mikhail L. Dubelt (Continuation)

Absrtract: The article uses materials from 10 archives of Moscow and St. Petersburg, which are presented for the first time. The information contained in the correspondence to allow look at the relationship between Mikhail Dubelt and his wife anew. It is a ground to revise the point of view rooted in Soviet Pushkin studies where Dubelt was presented as the culprit of the divorce.

Key words: Mikhail Dubelt, Natalia Dubelt (Pushkina), circumstances of the divorce

Карьера Михаила Леонтьевича Дубельта складывалась успешно: в 27 лет он награждается за храбрость золотым оружием, в 31 год становится полковником, в 39 – генералом и причисляется к императорской свите. Год спустя Александр II предлагает ему должность Тверского губернатора. Дубельт с благодарностью соглашается: Тверь находилась на пути, соединяющем Петербург и Москву, и ее не могла миновать ни одна из высокопоставленных персон.

«Человек выдающегося ума, соединенного с замечательным красноречием»¹, Дубельт, в случае назначения в 40 лет начальником одной из центральных губер-

¹ А.П. Арапова (дочь Н.Н. Пушкиной-Ланской от второго брака) в этой характеристике, вероятно, основывается на мнении самой Н.Н. Пушкиной-Ланской (см.: *Арапова А.П.* Наталья Николаевна Пушкина-Ланская. М., 1994. С. 80).

ний России, мог бы в дальнейшем стать видным государственным деятелем. О его таланте весомо и убедительно свидетельствует следующий факт. В феврале 1861 г., когда в России усилились волнения крестьян накануне отмены крепостного права, Михаил Дубельт был «командирован в Ярославскую губернию по крестьянскому делу». Тридцать лет спустя он писал: «С невольною гордостью вспоминаю я, что, усмирив лично, в продолжение четырех месяцев, 14 имений, я положительно не наказал телесно ни единого человека, и тем более, прибегая к содействию войск в случае крайнего упорства, не убивал и не ранил людей, как то делали другие»¹.

Назначению Дубельта на должность губернатора помешало бракоразводное дело, возникшее по инициативе Наталии Александровны – его супруги и дочери А.С. Пушкина. Она не согласилась повременить с началом судебного процесса до тех пор, пока муж не будет утвержден в должности губернатора, хотя и понимала, что процесс помешает его назначению. И действительно, Михаил Леонтьевич получил уведомление от графа А.В. Адлерберга, сообщавшего, что по воле императора он не должен рассчитывать на получение должности до окончания бракоразводного дела. Как злую насмешку судьбы он воспринял получение почти одновременно с этим письмом другого – от министра внутренних дел П.А. Валуева, предлагавшего готовиться к принятию должности Тверского губернатора.

Одним из самых ярких и самым горестным событием в жизни Михаила Леонтьевича Дубельта стала женитьба на дочери Пушкина. Очаровав представителя королевского дома, Наталия Александровна добивалась развода: она резонно считала, что быть супругой принца престижнее, нежели женой губернатора.

Хотя в ряде литературоведческих работ упоминается дело о бракоразводном процессе супругов Дубельтов, однако в них или не указано место его хранения², или указано неверно³. Необходимо уточнить местонахождение дела (вернее, двух дел, объединенных в одно, поскольку было два процесса): ЦГИА СПб. Ф. 19 (Петроградская духовная консистория). Оп. 54. Д. 60. За почти 150-летний период существования этого крайне интересного дела ему посвящена лишь одна публикация – небольшая статья на последней странице еженедельника «Литературная Россия»⁴, в которой утверждалось, что в распаде семьи виноват Дубельт, а дочь поэта оказывается безвинной.

В предыдущем номере журнала «Stephanos»⁵ опубликованы два документа этого дела – личное письмо М.Л. Дубельта супруге с предложением трех вариантов их дальнейшей судьбы и официальное, предоставляющее его жене право просить о расторжении брака. Однако самолюбивая дочь Пушкина отвергла эти предложения и решила добиться расторжения брака самостоятельно. «Я даже думаю, не лучше ли, чтобы ты не согласился на мою просьбу⁶, – писала она мужу. – Быть может, я достигну той же цели и без твоего содействия, но сохраняя право тебя ненавидеть»⁷.

¹ Из эпохи освобождения крестьян. Рассказ генерал-лейтенанта М.Л. Дубельта // Русская старина. 1891. №2. С. 469–474.

² Сидорова М.В. Пушкины и Дубельты; (Из истории взаимоотношений) // Хозяева и гости усадьбы Вяземы. Бол. Вяземы: 1998. С. 222–224; Русаков В.М. Рассказы о потомках А.С. Пушкина. СПб., 1992.

³ Галин Г.А. Дети и внуки Пушкина. М., 2009 (указан ГАРФ).

⁴ Жукова Н. «...Дорожу более, чем жизнью» // Литературная Россия. 1986. 6 июня. С. 24 (номер приурочен к дню рождения А.С. Пушкина).

⁵ См.: Корнеев А.В. Судьба зятя А.С. Пушкина – М.Л. Дубельта // Stephanos. 2020. №3(41). С. 55–62.

⁶ «Не противься разводу и возврати мне свободу».

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 54. Д. 60. Л. 99.

На основании представленных в Консисторию письма и расписки Дубельта дочь Пушкина подчеркивала, что ее муж «в неоднократном нарушении супружеской верности сам добровольно сознался»¹.

Бракоразводный процесс начался прошением Н.А. Дубельт на высочайшее имя, датированным 27 июля 1862 г.:

Всепресветлейший, Державнейший
Великий Государь Император
Александр Николаевич
Самодержец Всероссийский, Государь Всемиловитивейший!

Просит жена свиты вашего императорского величества генерал-майора Михаила Леонтьева Дубельт Наталья Александрова, урожденная Пушкина, о нижеследующем:

1

В браке с Михаилом Леонтьевичем Дубельт я вступила в феврале 1853 года, и при венчании нас в С. Петербурге в Конно-Гвардейской церкви, мы клялись пред престолом во взаимной любви, но клятва эта, как оказывается, со стороны Михаила Леонтьевича вскоре была нарушена.

2

Спустя самое короткое время после брака он начал обнаруживать холодность в обращении со мною, и как бы тяготясь супружескою жизнью, позволял себе частыя и продолжительныя отлучки из дома. Такое поведение его немало беспокоило меня, тем более, что до меня нередко доходили слухи о непростительном обращении его с сторонними женщинами. – В этом положении я искала успокоение в надежде, что муж мой, сознав свой неправильный и противозаконный образ жизни, выполнит брачный обет наш и будет мне верен, но напрасно: мною получено верное сведение, что он в Мае месяце текущего года в С. Петербурге явно нарушил святость брака прелюбодеянием с неизвестною женщиною, что имеет быть доказано на судеговорении чрез очевидных свидетелей.

3

Последний проступок мужа моего Михаила Леонтьевича есть уже не подозреваемый только, а явный – действительный факт нарушенной им Святости брака, а оттого по моим понятиям и правилам, велик, что я признаю совершенно невозможным оставаться с ним в супружестве на дальнейшее время, и не могу.

4

Объясняя, что *а)* муж мой, исповедования православного, в настоящее время находится в отпуску в Тверской губернии уезда в селе Каменном, а я по болезни проживаю за границей в г. Вене и *б)* вовсе не в силах сама являться на судеговорение по сему делу, уполномочила ведение оною вместо себя коллежского асессора Дементия Григорьевича Белинского, который имеет представить надлежащую всем (?) доверенность с свидетельством о моей болезни и двумя рублями исковых пошлин – Всепокорнейше прошу, дабы повелено было сие мое прошение принять и дав по нему установленное в законе производство, постановить определение (?) о расторжении брака моего с мужем моим и в дальнейшем поступить по законам. Июля 27 дня 1862 года. К подаанию подлежит в С. Петербургскую Духовную Консисторию. Прошение сие писал со слов просительницы отставной канцелярский служитель Николай Иванов Тропиков.

Вашего Императорского Величества Генерал-Майора Наталья Александрова Дубельт
руку приложила.

Временное жительство просительницы вне России, в г. Вене.

ЦГИА СПб. Ф. 19 (Петроградская духовная консистория).
1862 г. Оп. 54. Д. 60. Л. 1–2.

¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 54. Д. 60. Л. 114.

Инициатором развода был князь Евгений Александрович Львов, флигель-адъютант, подполковник, доведившийся племянником главному начальнику Третьего отделения князю В.А. Долгорукову. Он давно за ней ухаживал, последовал за ней за границу и обещал финансировать бракоразводный процесс с тем, чтобы после окончания она вышла за него замуж. Однако, не дождавшись завершения затянувшегося процесса, князь Львов женился – он предпочел Зою Дмитриевну Бибикову, дочь министра внутренних дел в правительстве Николая I.

Об отношениях между супругами в начале процесса можно судить по фрагменту письма Наталии Александровны к мужу от 17 августа 1862 г.:

Несмотря на худые чувства и на ненависть, которые я к тебе питаю, я отдаю тебе справедливость и знаю, что в некоторых отношениях ты стоишь выше меня. Если характер мой лучше, то конечно сердце безжалостное и злее твоего. Я никогда не прощу оскорбления, тогда как тебе даже случалось платить добром за зло. Почему же ты не питаешь ко мне ни малейшего сожаления, несмотря на то, что я несчастна через тебя же. Ты сознаешь себя виноватым и заслуживающим всевозможья (?) искупления. Докажи же свою искренность. Сдержи свою клятву. Не противься разводу и возврати мне свободу. Это будет гораздо благороднее и великодушнее твоих настоящих намерений, и даже я буду вынуждена любоваться тобою, и видеть в тебе своего благодетеля, тогда как до сих пор я смотрела на тебя как на палача. Я даже думаю, не лучше ли, чтобы ты не согласился на мою просьбу. Быть может, я достигну той же цели и без твоего содействия, но сохраняя право тебя ненавидеть.

ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 5. Д. 60. Л. 99.

Для представителей почти всех религий, живших в XIX в. в Российской империи: протестантов, мусульман, иудеев – развод не представлял значительных затруднений. Исключение составляли две религии: католическая и главенствующая в государстве православная. Согласно канонам последней брак мог быть расторгнут в следующих случаях:

1. доказанного прелюбодеяния одного из супругов;
2. безвестного длительного отсутствия другого супруга;
3. неспособности одного из супругов к брачному сожитию;
4. приговоренности одного из супругов к наказанию, связанному с лишением всех прав состояния.

Обоюдное желание обоих супругов расторгнуть брак в расчет не принималось.

Если бы Дубельт, как многие жившие в России немцы, принадлежал к числу протестантов, расторжение брака было бы незатруднительным. Однако Михаил Леонтьевич был крещен в православной вере. Протестантом будет второй муж Наталии Александровны – принц Николас-Вильгельм фон Нассау, и ради него переменит религию она.

Как же относились к ссорам супругов и началу бракоразводного процесса родные дочери Пушкина?

24 сентября 1862 г. ее тетка, старшая сестра Пушкина Ольга Сергеевна Павлицева, писала мужу Николаю Ивановичу из Петербурга в Варшаву:

Таша Дубельт точно хочет разводиться с мужем, что подтвердила Маша Гартунг¹, которая с мужем приехала на 2 недели из деревни <...>. Таша не добьется разводной – разве муж возьмет на себя грех небывалый для ее потехи, что невероятно.

ИРЛИ (ПД). Ф. 221. Оп. 2. Ед. хр. 10.

Примечание

¹ Старшая дочь А.С. Пушкина, в замужестве Гартунг.

Значительный интерес представляет прошение Наталии Александровны на высочайшее имя, написанное 6 мая 1863 г. во время ее приезда из-за границы в Россию. Из него выясняется, что она не может рассчитывать на поддержку родного брата Григория, на участие которого как свидетеля в бракоразводном процессе она надеялась. При встрече с Григорием Александровичем он дал понять ей, что вовсе не в курсе ее бракоразводных дел и не желает в них участвовать.

<...> я письмом моим из Вены к поверенному моему г. Белинскому в С. Петербург от 19/31 августа прошлого года извещала его, что сведения об именах и фамилиях бывших свидетелей прелюбодеяния моего мужа я обещалась сообщить в другое время с оговоркою, *будто бы* о свидетелях этих *предупредил меня родной брат мой гвардии ротмистр Пушкин*.

Между тем в апреле сего года я сама возвратилась из-за границы в С. Петербург и здесь лично удостоверилась в неосновательности ссылки моей на моего брата, что случилось так: «в начале августа прошлого 1862 г. один из русских путешественников (фамилии коего не припомню) заверил меня, будто бы родной брат мой Григорий Александрович Пушкин поручил ему лично передать мне сведение о вышеприведенных свидетелях: Ложникове и Давыдченке; на чем основываясь, я и сообщила об них сведение моему поверенному для внесения в судоговорение. Ныне же, находясь в в С. Петербурге в первых числах апреля, я при свидании с братом лично убедилась от него, что *ему вовсе ничего не известно: ни о свидетелях, ни о самом бракоразводном деле моем с моим мужем*.

<...> всеподданнейше прошу –

Дабы повелено было: *а)* ссылку мою касательно свидетелей на брата моего Григория Александровича Пушкина как неосновательную из дела исключить, и никакими запросами не привлекать его к делу.

Из прошения на высочайшее имя Н.А. Дубельт от 6 мая 1863 г.
ЦГИА СПб. Ф.19. (Петроградская духовная консистория). 1862 г. Оп.54. Д.60. Л.114–114 об.

Согласно определению С.-Петербургской духовной консистории, сторона обвинения должна была представить свидетелей. Благодаря деятельности доверенного лица Наталии Александровны Д.Г. Белинского были найдены четыре свидетеля, якобы видевшие Михаила Леонтьевича Дубельта «в действии прелюбодеяния в апреле или мае 1862 года в гостинице “Демут” в С. Петербурге»: бывший служивший в полиции губернский секретарь Г.А. Федорович, служащий в Экспедиции заготовления государственных бумаг В.Ф. Давыдченко, петербургский мещанин М.А. Ложников и шлиссельбургский купец Егор Никифоров.

В свою очередь Дубельт сам провел расследование о деятельности этих свидетелей, обвиняя их в подкупленности князем Львовым, в особенности Федоровича, повинного в целом ряде проступков. Так, он установил, что за Федоровичем числилось: пьянство (за что исключен из службы), кража билета ссудной кассы (отсидел в тюрьме), буйство в квартире охтенского пристава Ланца (подвергался аресту), «шантаж и дурная жизнь» (выслан из Петербурга). Кроме того, за ложное свидетельство в бракоразводном процессе он получил немалые деньги – 50 рублей серебром, что равнялось 175 рублям ассигнациями (в расчете на ассигнации велись все официальные сделки).

Первоначально 19 июля 1863 г. петербургский обер-полицмейстер И.В. Анненков на запрос Консистории сообщил, что Федорович ни в чем предосудительном замечен не был. Старался скрыть истину и подчиненный обер-полицмейстера – квартальный надзиратель Григорьев. Однако затем оба вынуждены были признать правду: лжесвидетель Федорович был разоблачен. И открыл это, как ни удивительно, человек, кому Наталия Александровна поручила действовать от своего

имени и представлять ее интересы в Консисории – ее поверенный П.Н. Чудович¹. Однако он поступил честно и, выяснив, что Федорович подкуплен, заявил об этом в полицию, а узнав, что его заявление оставлено без внимания, настоял, чтобы о подкупе было доложено высокому полицейскому начальству.

В результате обер-полицмейстер с опозданием был вынужден признать факт лжесвидетельства Федоровича, о чем свидетельствует его письмо от 7 ноября 1863 г.:

В С. Петербургскую духовную консисторию

Вследствие отношения Духовной консистории от 15 октября за № 6112, имею честь уведомить, что об отзыве Чудовича на счет чиновника Федоровича по делу свиты Его Императорского Величества Генерал-Майора Дубельта, производящемуся в С. Петербургской духовной консистории, надзиратель 4го квартала Московской части Григорьев до сего времени мне не доносил; ныне же надзиратель Григорьев, которому я передавал означенное отношение Консисории, для доставления по содержанию оногo сведений, в донесении своем от 30 октября за № 104 объясняет, что по получении требования, о вызове в Консисорию на 16 августа сего года губернского секретаря Федоровича, для спрoса под присягою, чиновник этот, для объявления ему сего требования, был приглашен в управление квартала. После сего на другой или третий день явился к г. Григорьеву Чудович, который, между прочим, действительно сказал, что Федорович взял по делу Дубельта 50 р[ублей] сер[ебром], и когда ему пришлось ехать в Консисорию, напился пьян и требовал еще денег; доносить же о сем мне как о частном разговоре, не совпадающем со служебными обязанностями, он не находил нужным, тем более, что ему не было известно, в чем именно заключалось дело Дубельта и в какой степени важно свидетельство в оном Федоровича.

ЦГИА СПб. Ф. 19. (Петроградская духовная консистория). 1862 г. Оп. 54. Д. 60. Л. 229–229 об.

Как видим, Федорович, получив деньги за ложные показания, в назначенный день не только не сообщил в Консисории ожидаемые от него сведения, но вовсе не явился туда, поскольку напился пьян. Между тем квартальный надзиратель, которому сообщили о подкупе лжесвидетеля и о срыве им присяги, вовсе не думал докладывать о том начальству, и если бы не настойчивость Чудовича, махинации афериста остались бы неизвестны.

Словно оправдывая свою фамилию, П.Н. Чудович оказался чудом для ответчика, разоблачив лжесвидетеля, что вовсе не обязан был делать, поскольку должен был представлять интересы истицы, которая в лучшем случае назвала бы его чудаковатым.

Однако обманщиком оказался не только мошенник и дебошир Федорович. Видя, что дело о разводе проваливается, князь Львов, обещавший жениться на Наталии Александровне, не дождавшись его окончания, женился на другой.

Много десятилетий спустя, уже в XX столетии, А.П. Арапова напишет: «Нравственное затишье продолжалось для матери до несчастного брака сестры Таши с Михаилом Леонтьевичем Дубельтом. Так как она еще в живых, то неуместным считаю оглашать подробности этой грустной истории. Ограничусь только замечанием, что хотя невеста насчитывала только шестнадцать лет, характер ее настолько сложился, что она сознательно приняла это решение»².

Вероятно, Наталия Николаевна не раз вспоминала собственную молодость, знакомство после нескольких лет замужества с красивым титулованным иностранцем,

¹ Поскольку личного участия в бракоразводном процессе Наталия Александровна избегала, она пригласила в помощь поверенному Д.Г. Белинскому другого, кто также представлял бы ее интересы в суде, – петербургского стряпчего титулярного советника П.Н. Чудовича.

² Арапова А.П. Наталия Николаевна Пушкина-Ланская. С. 80.

увлечение им... Но когда отчим Дантеса Л. Геккерен предложил ей уехать с его сыном за границу, оставив мужа, изменявшего ей, она решительно ответила: «Допустим, что мой муж виноват передо мною... Допустим даже, что мое увлечение вашим сыном так сильно, что, отуманенная им, я могла бы изменить священному долгу, но вы упустили из виду одно: я мать! У меня четверо маленьких детей. Покинув их в угоду преступной страсти, я стала бы в собственных глазах самая презренная из женщин»¹.

Подобные мысли не приходили на ум ее дочери, которая была матерью троих детей.

Поскольку Наталия Александровна Дубельт настойчиво избегала встречи и объяснения с мужем, то на вопросы, заданные духовной консисторией, пришлось ответить матери, Н.Н. Ланской. 26 октября 1863 г. она собственноручно написала ответы на «вопросные пункты», составленные в Консистории. В высшей степени примечательна фраза: «Убеждения насчет верности Михаила Леонтьевича остаются при мне – высказывать их не желаю»². Это один из последних автографов вдовы Пушкина – ровно через месяц Наталии Николаевны не стало.

Высокое мнение Наталии Николаевны о Дубельте, высказанное почти одиннадцать лет назад накануне свадьбы², осталось без изменения. Она не разделяет суждений дочери, обвинявшей мужа в неверности, о чем та писала в прошении на высочайшее имя, и не опровергает их лишь потому, чтобы не ставить Ташу в ложное положение (иначе пришлось бы уличать ее в неправде), предпочитая сохранить свою точку зрения³.

Все дети собрались у постели умиравшей матери – не было только Таши, которая была за границей. Однако мать думала про нее и просила старшую дочь Машу, которой в свое время завещала письма, написанные ее отцом, уступить их младшей, оказавшейся в трудном положении после того, как разошлась с мужем.

В феврале 1864 г. Петербургская духовная консистория вынесла решение.

Бракоразводное дело велось за нарушение [Дубельтом] им будто бы верности в гостинице Демута в мае 1862 г., поэтому до других неверностей, если бы они были, дело не касается, впрочем он верность жене никогда не нарушал; употребленная же им фраза о сем в письме сделана потому, чтобы угодить жене, с которою он обращался [как] с капризным ребенком; в прочем обвинения Белинского до существа дела не относятся, а порождены духом ябеды и злобы.

Таким образом, из прописанного оказывается, что истица жена Свиты его Величества Генерал-Майора Наталья Александровна Дубельт к уличению своего мужа Михаила Леонтьевича Дубельта в нарушении святости брака прелюбодеянием указала на свидетелей: Федоровича, Никифорова, Ложникова и Давыдченко и сослалась на собственное его сознание <...>. Но прописанные лица от свидетельства отстранены: Федорович как обличенный в предосудительном поведении и подкупе; Никифоров как уличенный в постоянном пьянстве; Давыдченко (1 нрзб.) свидетель по слухам, а Ложников оставлен без спроса, потому что свидетельства его одного по закону недостаточно, притом и на него имеется подозрение в стачке с Белинским. Собственное (1 нрзб.) же свое сознание в нарушенной святости брака ответчик Дубельт на судеговорении отверг; да если бы и сего не было, во всяком случае его сознание не может быть признано, так как оное не сопряжено никакими доказательствами.

По сим обстоятельствам К[онсисто]рия, не имея доказательств в нарушении святости брака прелюбодеянием Генерал-Майором Михаилом Леонтьевичем Дубельт <...> определяет: истице Наталье Александровне Дубельт в иске о расторжении брака ее с мужем

¹ Аранова А.П. Наталья Николаевна Пушкина-Ланская. С. 42 (пер. с фр.).

² «Я желать лучше зятя не могла».

³ ЦГИА СПб. Ф. 19. (Петроградская духовная консистория). 1862 г.. Оп. 54. Д. 60. Л. 211

М.Л. Дубельт отказать; о чем объявить поверенному истицы Дубельт Коллежскому Ассесору Белинскому и ответчику мужу Генерал-Майору Михаилу Леонтьевичу Дубельт [...].

Подлинное подписал Его Высокопреосвященство
Митрополит Новгородский и С.-Петербургский *Исидор*
12 февраля 1864 г.

ЦГИА СПб. Ф. 19 (Петроградская духовная консистория). 1862 г. Оп. 54. Д. 60. Л. 502.

Поскольку брак Дубельтов не был расторгнут, согласно закону Наталия Александровна должна была вернуться к мужу. Однако она игнорировала определение Консистории, решив получить в порядке исключения вид на отдельное проживание от мужа, и прибегла к помощи петербургского обер-полицмейстера И.В. Анненкова¹.

3 мая 1864 г. И.В. Анненков подает рапорт своему начальнику – петербургскому военному генерал-губернатору светлейшему князю А.А. Суворову²:

С. Петербургского
Обер-Полицмейстера
Канцелярия
Стол 1
3 мая 1864 года

Его Светлости
С. Петербургскому Военному
Генерал-Губернатору

РАПОРТ

Жена генерал-майора Михаила Дубельта Наталья Александровна Дубельт обратилась ко мне с прошением о выдаче ей с детьми свидетельства на проживание во всех местах империи отдельно от мужа. Причиною тому она выставила нижеследующее: 1-е раздражительный до неистовства, бешеный и злой характер мужа, обнаруженный им вскоре после брака в 1853 году; 2-е неоднократно испытанные ею от мужа нравственные оскорбления и унижительные истязания, справедливость которых она может доказать; 3-е развратную жизнь мужа, понудившую г-жу Дубельт просить о расторжении брака. К этим причинам г-жа Дубельт присовокупила, что в июле 1863 года вице-канцлер Горчаков сообщил нашему послу в Вене ВЫСОЧАЙШУЮ волю, в силу которой предоставлено было г-же Дубельт проживать отдельно от мужа и иметь при себе детей, впредь до расторжения брака. Не имея сведений о решении бракоразводного дела, г-жа Дубельт считает себя вправе проживать отдельно от мужа. Кроме того, известясь, что муж ее подал прошение во 2-й Департамент С. Петербургской Управы Благочиния, г-жа Дубельт заявляет, что она опасается за свою жизнь, на которую может посягнуть муж в порыве неистовства и злобы.

Имея в виду 1-е положительный отказ г-жи Дубельт относительно водворения к мужу; 2-е невозможность употреблять насильственные меры, которые законом не будут оправданы; 3-е опасения г-жи Дубельт за свою жизнь, основанное на неистовстве злобном характере мужа и, наконец, 4-е представленную г-жою Дубельт копию с данной мужем ее подписки, в которой сей последний сознается в постоянно худом обхождении с женою и в неоднократных нарушениях им супружеской верности, писанную его собственною рукою и составляющую по закону совершенное доказательство, долгом считаю прошение г-жи Дубельт о выдаче ей с детьми отдельного вида, представить на благоусмотрение и разрешение Вашей Светлости, присовокупляя с своей стороны, что я полагаю бы совершенно справедливым снабдить г-жу Дубельт отдельным с детьми видом на жительство, а самое дело по ее жалобе передать во 2-й Департамент Управы <...>.

С таким заключением моим имею честь представить Вашей Светлости прошение г-жи Дубельт и копию с подписки г-на Дубельта, сверенную с подлинником в канцелярии моей.

¹ Иван Васильевич Анненков, ранее служивший в лейб-гвардии Конным полку, командиром которого был тогда П.П. Ланской, был давним знакомым Ланских и, по свидетельству брата Павла Васильевича (первого биографа Пушкина), «по дружбе занимался делами семейства».

² Александр Аркадьевич Суворов – внук полководца А.В. Суворова.

К сему обязываюсь присовокупить, что на генерал-майора Михаила Леонтьевича Дубельта поступило на настоящий день в 1-й Департамент С. Петербургской Управы Благочиния различных исков на 104 754 р. 35 коп., и в Новоторжское уездное полицейское управление предъявлено на него же от разных лиц исков на сумму 50 624 р. 28 коп., всего 155 378 р. 62 коп. При таком положении дел я не полагаю, чтобы г. Дубельт был бы в состоянии прилично содержать жену и начать воспитание своих детей.

Подписал генерал-лейтенант *Анненков*.

Верно: за столоначальника (подпись).

ЦГИА СПб. Ф. 339 (Канцелярия С.-Петербургского обер-полицмейстера). Оп. 3. Д. 7. Л. 25–26.

Для получения отдельного вида необходимо было разрешение императора, и А.А. Суворов обратился к князю В.А. Долгорукову.

Господину Главному Начальнику III Отделения
собственной Его Императорского Величества Канцелярии
9 мая 1864 года

С. Петербургский Обер-Полицеймейстер представил мне просьбу жены Генерал-Майора Наталии Дубельт о выдаче ей с детьми отдельного вида на жительство во всех местах Империи, отдельного от мужа, и просьбу Генерал-Майора Дубельта, который, в видах мщения, домогается водворить ее к себе, для совместного жительства, а также копию с подписки Генерал-Майора Дубельта, в коей сам он сознал, что жена его имеет полное право просить о совершенном расторжении их брака, по причине худого с нею обращения и неоднократного нарушения супружеской верности.

Препровождая при сем на усмотрение Вашего Сиятельства список с настоящего представления Обер-Полицеймейстера № 3506 с подлинными приложениями, и просьбу Генерал-Майора о невыдаче жене его вида, долгом считаю сообщить, что по приведенным Генерал-Лейтенантом Анненковым (1 нрзб.) и по сознанию самого Дубельта в крайне неблагоприятных поступках в отношении жены своей, я нахожу неудобным последнюю водворять к мужу для совместного жительства и потому не изволите ли признать справедливым испросить ВЫСОЧАЙШЕЕ разрешение на удовлетворение ходатайства г-жи Дубельт.

О последующем я буду иметь честь ожидать уведомление Вашего Сиятельства.

Генерал-Адъютант,
Князь Итальянский, Граф *Суворов*
ГАРФ. Ф. 109. 2 эксп. Оп. 1864. Д. 310. Л. 1–1 об.

Так в Третьем отделении возникает дело «По прошению жены отставного генерал-майора Натальи Дубельт о выдаче ей с детьми вида на отдельное жительство от мужа».

На первом листе написано: «По делу о несогласной жизни генерал-майора Дубельта с женою».

Его Императорского Величества Собственная Канцелярия
Отд[еление] III
Эксп[едиция] 22
№ 310

По предложению В.А. Долгорукова А.А. Суворов составил доклад для императора с изложением дела, о чем свидетельствует его записка:

Его Сиятельству Князю В.А. Долгорукову
Милостивый Государь,
Князь Василий Андреевич.

Вследствие полученной мною записки Вашего Сиятельства, имея честь препроводить при сем всеподданнейший доклад мой по просьбе жены Генерал-Майора Дубель-

та о выдаче ей с детьми на жительство, отдельно от мужа, покорнейше прошу повергнуть доклад сей на высочайшее воззрение Государя Императора.

Примите уверение в отличном моем почтении и преданности.

Князь Суворов

17 мая 1864 года

ГАРФ. Ф. 109. 2 эксп. Оп. 1864. Д. 310. Л. 3.

Далее в деле представлена копия доклада с резолюцией императора:

Копия

Жена отставного генерал-майора Дубельта, урожденная Пушкина, обратилась с ходатайством о выдаче ей с детьми вида на отдельное жительство от мужа, выставив сему причиную нарушении им супружеской верности: 1) раздражительный до неистовств характер мужа; 2) неоднократно испытанные от него нравственные оскорбления и унижительные истязания; и 3) развратную жизнь его.

Г-жа Дубельт представила выданную в 1862 году мужем ее собственноручную подписку, в коей он, сознаваясь в постоянно дурном обращении с женою и неоднократно нарушении им супружеской верности, предоставлял жене просить о совершенном расторжении брака их.

Согласно сему, она ходатайствовала о разводе ея с мужем, но здешняя Духовная Консистория отказала ей в этом, и после сего муж стал настоятельно домогаться водворения к нему чрез полицию жены и детей. Жена отказывается исполнить требование это из опасения за жизнь свою, на которую может посягнуть муж в порыве неистовства и злобы.

По донесении обер-полицеймейстера представлено в полицию ко взысканию с Генерал-Майора Дубельта долгов до 155 т. руб., и потому он едва ли может прилично содержать жену и воспитывать детей.

Хотя по закону настоящее ходатайство г-жи Дубельт не подлежит удовлетворению, но из дел управления моего видно, что Вашим Императорским Величеством в 1863 году по всеподданнейшему докладу шефа жандармов ВЫСОЧАЙШЕ определено было не принуждать жену отставного инженер штабс-капитана Дятлова возвратиться к мужу, во внимание к несогласной их жизни, виною коей сам Дятлов.

Имея в виду пример этот и принимая во внимание, что Генерал-майор Дубельт в собственноручной подписке сознался в постоянно худом обращении с женою и неоднократном нарушении им супружеской верности, а потому сам был причиной семейных несогласий, предоставив даже жене просить развода, я осмеливаюсь всеподданнейше испрашивать ВЫСОЧАЙШЕГО разрешения ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА не принуждать г-жу Дубельт с детьми к совместной жизни с мужем.

Подлинный подписал: Генерал-Адъютант Князь Италийский
Граф Суворов Рымникский.

17 мая 1864 года.

На подлинном Собственной
Его Императорского Величества
рукою написано: «Согласен».

ГАРФ. Ф. 109. 2 эксп. Оп. 1864. Д. 310. Л. 4–4 об.

По решению императора Наталия Александровна получила в виде исключения «Вид на отдельное от мужа жительство»: «Дано сие из второго департамента С.-Петербургской управы благочиния жене генерал-майора Наталье Александровне Дубельт, вследствие предложения С.-Петербургского военного генерал-губернатора от 21 мая сего года за №9181, основанного на Высочайшем Повелении, о том, чтобы не принуждать ее, г-жу Дубельт, с детьми к совместной жизни с

мужем, – в том, что дозволяется г-же Дубельт с детьми ее – сыном Леонтием, родившемся 5 октября 1855 года, и дочерью Натальею, родившеюся 23 августа 1854 года, проживать во всех городах Российской Империи отдельно от мужа <...>. Мая 29 дня 1864 года»¹.

Согласно этому документу Н.А. Дубельт получила право жить отдельно от мужа с двумя старшими детьми (младшая дочь Анна осталась с отцом).

Высочайшее решение потрясло Михаила Леонтьевича – он счел его крайне несправедливым. Это заставило его обратиться к Александру II с поразительным по резкости письмом:

М.Л. Дубельт – Александру II

Ваше Императорское Величество!

Повелением Вашим, как гражданин и отец, я оскорблен и уничтожен окончательно, так как вследствие оно же моему и детям выдан вечный паспорт на отдельное от меня жительство. Кроме того, оно находится в прямом противоречии с Вашим же повелением, коим Вы в прошлом году повелели, чтобы я не касался детей моих лишь до окончания бракоразводного дела, теперь оконченного в мою пользу, за уличением в подкупе стороны мне враждебной.

Убежденный в Правосудии Вашем, я смело и громко скажу Вам, что Вас на мой счет обманули и что я наказан Вами вполне безвинно. Не допустите, Государь, чтобы несправедливость эта осталась в своей силе и для этого или удостоьте меня личного получасового объяснения или дозвольте письменно описать Вам мое тягостное и незаслуженное положение, от которого, я надеялся, оградит письмо мое к Вам от 30 прошлого Апреля. Умоляю Вас, не откажите мне в этом, а в последнем случае прочтите мое объяснение Сами, со вниманием и терпением.

Именем моей к Вам преданности и двадцатитрехлетней верной службы, именем моего покойного Отца, не откажите выслушать невинную жертву злобы и происков, уничтоженный и лишенный прав состояния без суда и даже неведомо за что.

Вашего Императорского Величества

Верноподданный

Михаил Дубельт

12 июня 1864

Г. Торжок.

Помета: «Государь Император изволил читать».

ГАРФ. Ф. 109. 2 эксп. Оп. 1864. Д. 310. Л. 6–6 об.

Однако и Наталия Александровна вряд ли была полностью удовлетворена подобным решением. Разрешение «проживать с детьми во всех городах Российской Империи отдельно от мужа» вовсе не входило в ее далеко идущие планы. Необходим был развод – она собиралась вступить в новый брак. Дочь Пушкина вновь уезжает за границу, оставив детей в России на попечение отчима П.П. Ланского. Никогда ее мать не пошла бы на такое и вряд ли одобрила решение дочери, если бы была жива. «Кому мои дети в тягость, тот мне не муж!»² – говорила вдова поэта, когда возможный претендент на ее руку предложил отдать детей на воспитание в казенные учебные заведения.

В июне 1865 г., когда Наталия Александровна находилась в Висбадене, а Михаил Леонтьевич в уездном городке Торжке Тверской губернии, он посылает новое письмо императору:

¹ Галин Г.А. Дети и внуки Пушкина. М., 2009. С. 172–173.

² Арапова А.П. Наталья Николаевна Пушкина-Ланская. С. 66

Государь.

Глубокое почтение, которое мне внушает то обстоятельство, что по воле Всевышнего Вы перенесли несчастье и не согнулись¹, заставляет меня надеяться, что Вы поймете истинную ценность чувств Отца. Лишенный в течение трех лет возможности видеть моих детей, не принимая никакого участия в их воспитании и содержании, я непрерывно задумываюсь над вопросом, что это – преступление или ошибка, наказание или оскорбление. Будучи увезенным отсюда, мой сын чуть не умер от скарлатины, а я узнал об этом от горничной лишь тогда, когда угроза миновала. Я не настаиваю на возвращении моей супруги в мой дом, не желая быть обязанным этим насилью, но днями и ночами спрашиваю, отчего я должен переносить столь жестокую разлуку с моими детьми. Ведь это ущемляет права самые священные – те права, коими наделены даже животные.

Мои жалобы, Государь, не возлагают на Вас решение моей судьбы. Но я полагаю их достаточными, дабы, будучи ведомы духом справедливости и добра, Вы могли бы приказать провести самое строгое дознание по поводу тех лживых сведений обо мне, каковые стали известны Вам. Имея в виду, что дознание это должно быть поручено судящим по закону и непредвзято, я ни на миг не сомневаюсь в своем оправдании. Но я заранее подчиняюсь самому суровому наказанию, ежели меня сочтут виновным.

Пусть же утрата Вашего собственного возлюбленного сына заставит Вас услышать рыдания Отца, пребывающего в бедности и одиночестве единственно от того, что его супруге вздумалось переменить мужа. Интриги, недоброжелательство, клевета и ложь довершили дело.

Вечно преданный и самоотверженный слуга Вашего Величества

Мишель Дубельт
Торжок
1 июля 1865 г.

Пер. с фр. Н.Т. Пахсарьян.

ГАРФ. Ф. 109. 2 эксп. Оп. 1864. Д. 310. Л. 8–8 об.

Примечание

¹ Незадолго до этого скоропостижно скончался цесаревич-наследник Николай Александрович, не доживший до 22 лет.

По горькой иронии судьбы, прошение Михаила Леонтьевича императору, написанное 12 июня 1864 г., ровно год (!) пролежало без движения.

8 июля 1865 г. Дубельт пишет управляющему Третьим отделением Н.В. Мезенцову:

Милостивый государь Николай Владимирович.

Вчера я получил уведомление от 12 июня [1865], что Всеподданнейшее прошение мое, по предмету исследования взводимой на меня клеветы, вследствие коей я лишен прав состояния, передано на усмотрение господина шефа жандармов. Позвольте мне убедительнейше просить содействия вашего превосходительства, дабы это мое прошение не осталось без последствий и также дабы оно не было передано князю Суворову или генералу Анненкову, ибо именно через их происки и состоялся фальшивый доклад Государю Императору, меня погубивший <...>.

ГАРФ. Ф. 109. 2 эксп. 1864. Д. 310. Л. 9.

Не получив ответа на свое письмо, Дубельт понял, что добиться справедливого следствия в России нельзя, и к числу его противников следует причислить шефа жандармов. Он уезжает в Париж, откуда 18 ноября вновь пишет императору:

М.Л. Дубельт – Александру II

Ваше Императорское Величество.

Уехав навсегда из дорогой мне России, откуда я изгнан несправедливостью и самоуправством людей сильных, – я обращаюсь еще раз к Вам, Государь, дабы Вы знали истину, – и не скрою от Вас, все еще с надеждою, что Вы захотите, узнав ее, возвратить мне должное. Пока я был в моем родном отечестве, я не осмелился бы столь решительно передать Вам правду, не из опасения Вас, честнейшего и благороднейшего из всех, но из опасения князей Суворова и Долгорукова, которые сумели бы из мести еще больше уничтожить меня, чем уже уничтожили, из желания угодить Наталье Александровне. – Повторяю, Государь, что я прошу у Вас в четвертый раз не милости или снисхождения, но только правды, то есть суда и следствия законного – вещи, которых не лишены даже преступники и арестанты, и на которые, следовательно, должен тем более рассчитывать Ваш верноподданный, 23 года честно и верно Вам служивший. Князь Долгорукой докладывает Вам, что подобного следствия не нужно, дабы ограбить своего подлеца племянника Львова. – Суворов же, для ограждения самого себя, ибо он оскорбил Вас, Государь, фальшивым докладом, и самым бесчестным образом погубил невинного.

Ваше Величество, имейте терпение прочесть со вниманием прилагаемую записку. Первая мысль моя была напечатать ее в *Колоколе*. Но так как помышляя об этом, я имел единственною целию довести все подробности моей истории до Вашего сведения, я нахожу пристойнее передать Вам правду прямо, чем доводить ее до Вас путем, Вашему Правительству недоброжелательным. Прочтите и вникните в положение человека, ничего преступного не совершившего и однако через происки и несправедливость людей сильных, совершенно уничтоженного и низведенного с положения прекрасного и весьма лестного, на самую низкую степень унижения, ничтожества и нищеты.

В заключение, Государь, позвольте доложить Вам, что выгоднее будет для меня, не назначать следствия, чем поручить его иному, как человеку честности и беспристрастия испытанных, и который бы Суворовых и Долгоруких не боялся. Не забудьте, что этому следователю придется вывести на чистую воду преступления людей, пользующихся положением высоким.

Вашего Императорского Величества

Верноподданный

Михаил Дубельт

6(18) ноября 1865

Жительство имею в Париже <...>.

РГИА. Ф. 1614. (фонд Адлербергов). Оп. 1. Д. 14. Л. 10–11.

Однако, опровергая надежды Михаила Леонтьевича, на его письме была поставлена резолюция «Оставить без ответа».

Узнав, что новым шефом жандармов назначен хорошо знакомый ему граф П.А. Шувалов, Михаил Леонтьевич 26 апреля (8 мая) 1866 г. пишет ему:

Милостивый государь граф Петр Андреевич.

Назначение вас шефом жандармов дает мне полное убеждение, что я наконец добьюсь истины. Я всегда знал вас за человека слишком благородного и честного, чтобы теперь сомневаться в вашей справедливости и беспристрастности. Скажу вам то, что я четыре раза писал самому государю. Я не прошу снисхождения, но только честной правды.

Последний раз я послал подробное изложение моего дела, в собственные руки его величества, из Парижа 6(18) ноября 1855 года. На это мое прошение я никакого ответа до сих пор не получил и распоряжения по нему никакого не вижу <...>.

ГАРФ. Ф. 109. 2 эксп. Оп. 1864. Д. 310. Л. 10.

Полтора месяца спустя, 8(20) июня Дубельт опять пишет П.А. Шувалову, на сей раз по совсем иному поводу: стремясь досадить бывшему мужу, Наталия Александровна похищает их младшую дочь, оставшуюся у него, и некоторое время удерживает ее у себя.

Милостивый государь граф Петр Андреевич.

Убедительно прошу ваше сиятельство неотлагательно обратить милостивое и законное внимание на следующее несчастье, вновь меня постигшее.

Жена моя Наталья Александровна, узнав, что я на некоторое время лишен свободы действий, приехала из Висбадена в Париж, *похитила* меньшую дочь мою Анну² и увезла ее с собою. Для подобного насилия она не имела ни повода, ни права, ибо на основании Высочайшего повеления, состоявшегося в мае 1864 года, мои двое старших детей оставлены при ней с отнятием у меня моих прав на них. Меньшая же дочь моя Анна оставлена при мне <...>. Не имея более средств содержать ее, я передал ее княгине Елизавете Ивановне Суворовой³, которая из расположения ко мне и при склонности к добру брала ее на свое попечение <...>. Наконец, во время моего тягостного положения в Париже и до отъезда моей девочки я поместил ее вместе с ее няней, в русском весьма почтенном семействе <...>.

Прибыв в Париж, Наталья Александровна обратилась за содействием к нашему послу, который конечно отказал ей в этом, объяснив, что отнимать у меня дочь она права не имеет. Подкупив или уговорив няню, Наталья Александровна влетела в дом, где жила Нина, и во время отсутствия хозяйки, предъявив горничным какую-то бумагу с печатью, по-русски написанную, объявила им, что это разрешение посла волей или неволей отнять дочь. После значительного шума она увезла ее с собою.

Узнав о случившемся, я тотчас же обратился к префекту полиции, с просьбою разыскать моего ребенка и возвратить его мне. Если же жена моя из Парижа уже уехала, то телеграфировать, дабы на границе задержали ее. На другой день префект уведомил меня словесно, что Наталья Александровна с дочерью уехала в Висбаден, *имея на то разрешение русского посла*.

Так как накануне я в письме к барону Будбергу⁴ изложил ему все обстоятельства этого дела, и главное смысл Высочайшего повеления, то я просил посольство объяснить мне, на каком основании оно оказало такое положительное содействие Наталье Александровне и дало ей возможность увезти мою дочь и няню из Франции, тогда как паспорта их находятся у меня. Оказывается, что *прежде* похищения Нины⁵ жена моя действительно была у посланника, но он, отказавшись содействовать ей в чем бы то ни было по этому делу, объяснил ей, что по смыслу Высочайшего повеления она предъявляет требования совершенно неосновательные. После этого *какое же письменное разрешение посла* Наталья Александровна показывала сперва горничным, и что важнее, чиновникам префекта для прикрытия своих преступных действий.

Ваше сиятельство, по непредвиденному стечению несчастных обстоятельств меня последовательно лишили жены, семейства, службы и состояния. У меня в утешение всего осталась маленькая дочь Анна, которую я люблю искренно и которую Бог благословил меня пристроить благополучнейшим образом у Елизаветы Ивановны. Неужели преступный, самоуправный и насильственный поступок Натальи Александровны останется делом совершившимся. Преследовать или наказывать ее, за противозаконные ее действия, я конечно не желаю. Но Бога ради, исходатайствуйте неотлагательное повеление, дабы у жены моей взяли обратно похищенную ею дочь мою Анну и возвратили ее мне, Я же немедленно передам ее моей благодетельнице княгине Елизавете Ивановне <...>».

Покорнейший слуга Ваш

М. Дубельт

8(20) июня 1866 г.

Париж

ГАРФ. Ф. 109. 2 эксп. Оп. 1864. Д. 310. Л. 11–13.

Примечания

¹ Анна – младшая дочь М.Л. и Н.А. Дубельтов. В семье ее называли Ниной.

В литературе до сего времени указывается лишь год рождения младшей дочери Дубельтов и, следовательно, внучки Пушкина Анны. Согласно формулярному списку М. Дубельта ныне представляется возможным указать точную дату – 6 сентября 1861 г. (РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Д. 9460. Л. 53).

² Суворова Елизавета Ивановна (урожденная Базилевская) – жена сына А.А. Суворова Аркадия, сестра жены брата М.Л. Дубельта Николая.

³ Будберг Андрей Федорович, барон (1817–1881) – посол России во Франции в 1862–1868 гг.

⁴ Анну называли в семье Ниной. Переживая за судьбу похищенной девочки, Дубельт не замечает, что называет ее то официальным именем, то домашним.

Хотя Третье отделение не пожелало вникать в подробности отношений между супругами Дубельт и ограничилось формальной отпиской за подписью управляющего отделением Н.В. Мезенцева от 17 июня, тем не менее из последующей переписки мы узнаем, что младшая дочь вернулась к отцу (два года спустя он будет ходатайствовать о принятии ее в Институт благородных девиц). Наталию Александровну, видимо, не очень интересовала судьба девочки.

Несчастья преследуют Михаила Дубельта. 18 июня «Тверские губернские ведомости» извещают о предстоящей продаже с аукциона 5 сентября его большого имения Каменное с усадебными постройками, фруктовым садом и оранжереей, пахотной и сенокосной землей, строевым и дровяным лесом, а также прилегающими деревнями.

В числе кредиторов, подавших взыскание в Санкт-Петербургскую Управу Благочиния¹, значится: «г[оспоже] ген[ерал]-май[орше] Наталье Дубельт по сохранной расписке 30000 р.»².

В литературе указывалось, что Михаил Дубельт проиграл в карты деньги, полученные в наследство Наталии Александровны. Однако до сих пор не было известно, что он дал жене расписку, которую она представила к взысканию в полицию.

В начале 1867 г. дочь Пушкина ненадолго приезжала в Россию. 12 февраля Наталию Александровну видел на балетном спектакле в петербургском Большом театре генерал К.П. Колзаков, записавший в дневнике: «В бельэтаже заметил я прелестную М^{adam}е Дубельт, дочь нашего поэта Пушкина... Сидя в ложе, принимала она самые грациозные позы – и часто улыбалась и кланялась со знакомыми в партере и ложах, посылая им самые умильные взгляды и улыбки»³.

Пройдет четыре с половиной месяца, и 1 июля 1867 г. дочь Пушкина вторично выйдет замуж – за германского принца Николауса Вильгельма фон Нассау. Вmorganaticком браке она получит титул графини Меренберг. Супруги поселятся в аристократическом Висбадене.

¹ Учреждение при полиции, осуществлявшее надзор за общественным порядком и следившее за исполнением законов.

² Тверские губернские ведомости. 1866. №24. 18 июня. С. 624.

³ Галин Г.А. Дети и внуки Пушкина. С. 174.

Бесспорно, дочь Пушкина Наталия Александровна слышала от свекра Л.В. Дубельта, который после смерти поэта совместно с В.А. Жуковским разбирал бумаги ее отца, что по решению обоих письма Александра Сергеевича к жене были возвращены непрочитанными Наталии Николаевне.

Эти письма Наталия Николаевна Пушкина-Ланская бережно хранила до конца жизни. Она хотела завещать их старшей дочери Марии и не раз говорила об этом ей. Однако Мария Александровна, приехавшая к умиравшей матери за сутки до кончины, согласилась по ее просьбе уступить эти письма младшей сестре Наталии, которая оказалась в трудном положении после того, как разошлась с мужем.

Начиная с 1869 г. Наталия Александровна не раз пыталась продать письма отца, хотя была тогда уже замужем за принцем Николаусом-Вильгельмом фон Нассау и материальных затруднений не испытывала.

В апреле 1876 г. первый биограф Пушкина П.В. Анненков, разбиравший его архив, писал И.С. Тургеневу, к которому обратилась дочь поэта: «А что касается до писем Пушкина, то вот уже 5–6 лет, как граф<иня> Нассау-Дубельт продает свой секрет на всех площадях. Если Вы пробежали эти действительно драгоценные (для умного биографа) письма, то Вы увидели, что они похожи на разговоры мужа с женой в 4-х стенах их спальни о людях и вещах. И вот дочка собирается показать народу папашу и мамашу нагишом – без всякой биографической рубашки – и притом за деньги. О покупателе она не заботится – будь хоть жид или первейший негодяй, рассчитывающий на выгоду скандала, лишь бы деньги дали. В 1869 г. она предлагала эти письма Каткову, мне, Соллогубу в Петер<бурге>, кн. Львову – всем встречным и поперечным, и в эти дорогие и деликатнейшие излияния поэта, раскрывающие его семейное горе, погружались бесчестные глаза – это всем хорошо известно – Антропова, Маркевича, и др.; господа эти, полагаю, даже и выписали из них наиболее резкие места. Теперь эта обесчещенная переписка Вам препровождена на комиссию; поместите ее в какой-либо публичный дом. Если бы я располагал какими-либо свободными деньгами, я бы купил эту исповедь Пушкина и, может быть, сделал бы из нее небезынтересный этюд, во всяком случае этюд приличный и поясняющий дело. В таком виде переписке этой и следовало бы появиться на свет, а не так, как замышляет Меренберг-Дубельт – т. е. получить деньги и бросить фамильную святыню в уличный ручей – пусть, кто хочет, тот и добудет ее вонючим крючком оттуда. На беду какая-то дама из самого высшего света нашего и умеющая читать по-русски, сказала Меренберг, что за эту рукопись в России дадут ей 20 тысяч рублей. Шесть лет тому назад Графиня и требовала эту сумму в России, но, конечно, никто не дал ей и рубля, да и зачем давать, все уже *gratis* попользовались ею»¹.

Наконец, убедившись в невозможности продать пушкинские письма за желаемую сумму, Наталия Александровна обратилась к И.С. Тургеневу, снискавшему в Европе славу патриарха русской литературы. Под его редакцией и с написанным им предисловием письма были опубликованы в январском и мартовском номерах журнала «Вестник Европы» 1878 г. Однако публикация семейной переписки Пушкина в литературном журнале, адресованном широкому кругу читателей, почти без купюр, без пояснений и примечаний, оказалась преждевременной и вызвала в лучшем случае

¹ Цит. по: *Измайлов Н.В.* Тургенев – издатель писем Пушкина к Н.Н. Пушкиной // Тургеневский сборник. Т. V. Л., 1969. С. 401–402.

недоумение и разочарование, а порой возмущение и осуждение. Многие наверняка ожидали совсем иного – высоких рассуждений о поэзии, о литературе, об изящном.

Отрицательного мнения были братья и сестра Наталии Александровны, с которыми та не советовалась при публикации. Они были поставлены в крайне неловкое положение: в письмах нередко встречались резкие отзывы о людях, с детьми и родственниками которых им приходилось встречаться.

Вскоре после завершения публикации, 25 марта 1878 г., И.С. Тургенев писал редактору «Вестника Европы» М.М. Стасюлевичу: «...меня какой-то А.В. письменно предупредил, что сыновья Пушкина нарочно едут в Париж, чтобы поколотить меня за издание писем ее отца! Почему же меня, а не родную сестру, разрешившую печатание? – резонно спрашивал он. – Впрочем, я полагаю: это просто сплетня, если не мистификация». Как и предполагал Тургенев, считая известие сплетней или мистификацией, он оказался прав.

Так же недовольна публикацией пушкинских писем была и дочь поэта Мария Александровна. Позднее знакомая семейства Пушкиных Е.А. Новосильцева-Рекеампф, общавшаяся с обеими дочерьми поэта, писала в воспоминаниях: «Однажды, когда я ей (Марии Александровне. – А.К.) передала, что Наталья Александровна жалуется, что подолгу не получает от нее писем, Мария Александровна отвечала: “Скажите ей, что наш отец писал за нас всех”. Ответ не только резкий, но и понятный».

Между тем сама Наталия Александровна знала, что для публикации писем отца она должна была получить согласие родных. Еще при первой ее попытке, предпринятой в 1866 г., напечатать пушкинские письма, петербургский книгопродавец Я.А. Исаков резонно заинтересовался, осведомлены ли о ее намерении братья и сестра.

Одиннадцать лет спустя после того, как на страницах «Вестника Европы» были опубликованы пушкинские письма, в том же журнале появилась статья И.А. Гончарова «Нарушение воли», в которой он касался той же деликатной темы – публикации пушкинских писем:

Мы все, сверстники Тургенева, питомцы школы великого поэта, вскормленные его поэзией, мы все сохранили в себе навсегда обаяние его гения; для нас дорог каждый штрих его пера. Тургенев религиозно собирал и подбирал, как перлы, всякие писанные поэтом строки, не бракуя, по-видимому, ни одной, боясь проронить всякую мелочь. И все ближайшие современники и поклонники Пушкина были бы также в затруднении, как поступить, – в том числе, признаюсь, и я.

Для просмотра и редакции писем Пушкина нужен был другой или другие, менее страстные и более беспристрастные почитатели великого поэта. Впрочем – я слышал, что многие неудобные письма исключены Тургеневым; зачем же не все, до публики не касающиеся?

<...>

Стоит только пробежать письма Пушкина к жене, чтобы заключить, что нарушение воли совершилось и над его памятью.

Возможно опасение, что после смерти младшей дочери Пушкина эти письма могли бы бесследно пропасть, если бы не были опубликованы. Но, думается, этого бы не произошло, если бы ее дети от второго брака знали русский язык и могли представить значение гениального поэта и его писем. Однако «дети графини Меренберг вовсе не говорили по-русски», как свидетельствует В.Б. Бертенсон¹,

¹ Врач Василий Бернардович Бертенсон сопровождал великого князя Георгия Михайловича в поездке по Европе. См.: *Галин Г.А.* Дети и внуки Пушкина. С. 201.

общавшийся с семейством Наталии Александровны в конце 1880-х годов. В своих воспоминаниях он упоминает и ее сына, в то время подростка, «вылитого прусского кадета». Проживший долгую жизнь граф Георг Николаус Меренберг (во время Первой мировой войны он, ротмистр ландвера, воевал против России), так и не научился говорить по-русски, хотя был много лет женат на дочери Александра II отmorganaticкого брака – светлейшей княжне Ольге Юрьевской.

Сведения об авторе:

Алексей Вениаминович Корнеев,
историк русской литературы XIX века
член Союза писателей РФ

Aleksey V. Korneev,
The Historian of Russian Literature of the 19th c.
Member of the Union of Writers
of the Russian Federation

korneev-kav@mail.ru